

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Гносеологическое предварение	7
Субъективизм и объективизм в философии	9
Персоналистическая и экзистенциальная установка	12
Патриотизм	17
Смысл жизни	19
Христианский ответ на зов Богопознания	26
Жизнь в Предании	29
Благовестие Креста	36
Апология трагического оптимизма	41
Глава 1. ТВОРЕНИЕ. ГРЕХОПАДЕНИЕ	47
1. Грехопадение: противоречия традиционного толкования книги «Бытие»	47
2. Онтология греха в свете христианского Благовестия	53
3. Нехристианское в христианстве	62
4. Начала и концы	65
5. В начале	75
6. Небо	80
7. Земля	82
8. Цель творения	84
9. Драма воплощения	85
- Создание первообраза человека	85
- Божественное Предустановление	88
- Образ змея	89
- Дерево Познания	91
- Богоподобность свободы человека	94
- Познание назначения	95
- Обретение плоти	96
10. Адам — человек	101
11. Диалектика свободного самоопределения	103
12. Многозначность акта «грехопадения»	105
Глава II. БОГ ТРОИЦА	109
1. Триипостасность истинного единства	109
2. Бог Отец	110
3. Бог Сын	111
4. Бог Дух Святой	114
5. Ипостасные взаимоотношения	117
6. Троица и творение	121
7. Споры о триипостасности	122

Глава III. СОФИЯ НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ	124
1. София — предвечная женственность	125
- София и природа Божества	125
- София и ипостаси Божии	126
- София неба и София земли	126
- София — мироустроительница	128
- София — собирательница	129
- София — вечная Женственность	130
- София и личность	131
- София Божественная и тварная	131
2. Мужское и женское начала	131
3. О вечной женственности	136
4. О любви	139
5. Поэтическое богословие Марины Цветаевой	142
Глава IV. КРЕСТ И ГОЛГОФА БОГА И ЧЕЛОВЕКА	168
1. Христианская онтология Креста	168
2. Бог и человек распяты в вечности	170
3. Человек и Бог распяты в мире	172
4. Смерть Богочеловека	173
5. Смерть человека в Боге	174
6. Смерть Бога в человеке	175
7. Благовестие Распятого и Воскресшего Бога	179
8. Порочный круг теодицеи	180
9. Диалектика Божественного и человеческого крестонесения	187
10. Духовное присутствие	189
11. Назначение человека — крестонесение	190
Глава V. БРЕМЯ СВОБОДЫ	194
1. Откровение свободы	194
2. Источник и сущность свободы	195
3. Свобода Бога и свобода человека	198
- Творение свободной личности	198
- Свобода — образ Божий и сущность личности	200
- Благодать Божия и свобода человека	201
- Промысл Божий и свобода человека	207
- Всеведение Божие и свобода человека	213
4. Свобода и произвол	214
5. Свобода и закон	218
6. Свобода и судьба	226
7. Свобода личности	229

- Внутренние пути свободы	229
- Полнота свободы	233
Глава VI. ХРИСТИАНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ	238
1. Святая Троица, Богочеловек и личность	238
2. Категории персонализма Николая Бердяева	244
3. Субстанция и модусы личностного бытия	248
- Индивидуальность и неповторимость	248
- Реальность духа	248
- Воплощённость	252
- Свобода	253
- Сознание и совесть	254
- Любовь	255
- Соборность	256
- Апофатическая глубина духа	259
4. Этапы персонификации	261
5. Транссознание и сознание	265
6. Крестонесение личности	275
7. Персонификация в культуре	280
8. «Безумие» гениальности, святости и клиническое сумасшествие	288
9. О христианской психотерапии	298
Глава VII. БРЕМЯ КОСМИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ	303
1. Богочеловеческая диалектика воплощения	303
2. Путь воплощения и память о нём	306
3. Миф как образ прабытия	310
4. Миф в свете христианского сознания	316
5. Обратная перспектива мифологии	319
6. Душа в правремени	321
7. Хаос	325
8. Материя	328
9. Мироустроительные начала	332
10. Интенция греческой мифологии	334
11. Первичные космологические процессы	337
12. Антропоморфизм мифов	341
13. Теоантропоцентризация мифологии	344
14. Космос как плоть человека	346
15. Мифологизация познания	347
16. Космическая плоть — человеческое тело	355
17. Обретение тела — энтелехия	358
18. Энтелехия в мировом воплощении: вечное возвращение	364
19. Перевоплощение душ	367

20. Перевоплощение и сознание	377
21. Бремя несения плоти	379
22. Воплощение в культуре	382
Глава VIII. ИСТОРИОСОФИЯ — ВЕЧНОСТЬ И ВРЕМЯ	390
1. О религиозной философии	390
2. Понятие историософии	397
3. Смысл истории	399
4. Безличные исторические стихии	408
5. Человек и народ как субъекты истории	411
6. Мужское и женское в судьбе народа	419
7. Творческие импульсы истории	427
Глава IX. О ПРИРОДЕ ЗЛА	430
1. Источники зла	430
- Диалектика бытия и небытия	430
- Происхождение зла	432
- Спиритуализм и гипераскетизм	440
- Тотальность материализма	442
- Абсолютизация частичности – тотальный эгоцентризм, титанизм	443
- Отказ от Креста	447
2. Формы зла	449
- Обольщение натурализмом	449
- Прельщение магией	450
- Не различение духов	457
- Персонализация зла	464
- Идеологические мании	467
3. Метафизика зла у Ф. М. Достоевского (по роману «Преступление и наказание»)	473
Глава X. АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ	520
1. Через смерть рождение	520
2. Серединное царство	521
3. Рай и ад в земной жизни	525
4. За гранью жизни	526
5. Апокалиптическая смерть	529
6. Эсхатологическое рождение	533
- Воскресение из мертвых	533
- Время и вечность	538
- Всеобщее воскресение	539
- Царство Божие	543
СЛОВАРЬ АВТОРСКИХ ПОНЯТИЙ	546

ВВЕДЕНИЕ

Гносеологическое предварение

В философском сообществе принято, что философская система должна начинаться с ответа на вопрос: как мы познаём и каким образом воплощаем познанное? Попытки описать таинственную сферу творческого акта слагаются в науку гносеологию. Отдавая дань грандиозным конструкциям в теории познания, я коснусь только некоторых её принципов.

Что мы познаём, или, иначе говоря, как квалифицировать продукты нашей интеллектуальной деятельности? Позитивизм приучил считать понятия и категории плодом произвольной фантазии учёных. Но учёные, как и все люди, зависимы от **диктата духовной ситуации эпохи**. Господствующая в современном обществе **установка потребления** определяет **жизненный интерес** и **формацию сознания** учёных, диктует ориентацию познавательной активности. Такого рода **запрограммированная научная фантазия** и определяет конфигурацию «открытий», новых концепций, которые порождают новый ряд функционально-рациональных формул. Далее очередь за бесчисленными дедуктивными вариациями, раскрывающими — *что из этих формул следует*. Но очередная **атака цивилизации потребления** задаёт новые установки «познания», которые порождают иные «смыслы»: бесконечный калейдоскоп вариантов и их последствий. Неопозитивизм трезво признаёт тупик **гносеологии пессимистического энтузиазма** и доходит до логического предела, то есть до абсурда: учёные произвольно выбирают исходные начала и ведут игру по произвольно же принятым правилам. В результате картина познания не отражает реальности, но является сферой игровых *моделей*, иллюзий. Хотя их функциональное приложение может дать определённый **потребительский эффект** ценой огромных разрушений в мироздании.

Но явная разумность жизни и ощущение промыслительного действия Творца в бытии убеждают в том, что наша творческая фантазия способна порождать не только произвольные ассоциации или иллюзии потребления, а образы реальности. Другой вопрос, какой реальности. Мир таков, каким мы его обустрои-

ваем. Наши образы выражают либо **богочеловеческое творчество** бытия, либо сопротивление Миротворящему Началу. Религиозное сознание созерцает вселенную как Божие творение, атеистическое сознание видит в мире только свалку сырья для реализации потребительских инстинктов.

Сегодня вновь актуальна старинная проблема отношения Откровения, веры и разума. Откровение — обнаружение, раскрытие божественной истины, самовыявление божественного духа, самооткрытие Бога. Разум способен воспринять Откровение и выразить Откровение. Сам по себе разум не самодостаточен, Откровение расширяет, преобразует и направляет разум. Голос Откровения в человеке — **религиозная совесть** — не только является критерием нравственности, но и задаёт **установку познания, целеполагание разума**. Рациональное познание, его исходные послышки и принципы создаются **духовной установкой, религиозной и нравственной ориентацией человека**. Образ познаваемого напрямую зависит от того, способен ли человек осуществлять религиозно-нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать свои религиозно-нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. Направление, методы, предмет познания исходят из акта совести. По сути, познание никогда не отделялось от совести, но по мере секуляризации диктовалось большой совестью, совестью раздвоенной, ущербной и загнанной в подполье. Современная цивилизация потому и разрушает природу, что отделила познание и действие от религиозного источника совести, от Откровения. В конечном итоге, человек знает то, что хочет знать, и не знает того, чего не хочет.

Вера — это ответ на дар Божий, свободное принятие благодатных даров. В вере мы открываемся благодати — свойству и силе Божией, направленных на спасение человека. Благодать обновляет душу, просветляет разум, она есть *«обновление ума»* (Рим. 12. 2). К вере можно прийти различными путями, в том числе и через разум. Всякая борьба разума с Откровением закрывает источник самого разума. У атеистического разума два пути. Или самозакливание, самоизоляция, которая порождает дурную бесконечность рационалистических формул (*чистая*, теоретическая наука). Или ориентация на *естественный мир*, попытки обосноваться на *эмпирическом опыте*, что формирует профанный (*искажённый, извращённый, опошленный*) мир *научно-технической цивилизации*.

Это и есть «ослепление ума», которое идёт от «бога века сего» (2 Кор. 4,4). Таким образом, **целостность и полнота разума возможна только в Откровении, в открытости разума Богу** («...иметь Бога в разуме...» — Рим. 1. 28).

Специфической сферой разума является его методология (*система принципов и способов организации и построения*): логика, диалектичность, последовательность, полнота, аналитичность и синтетичность, универсальная или частная направленность, формы контроля интеллектуальной совести... Методология получает адекватное и полное раскрытие в **религиозной цельности разума**. Вне этого частные функции разума превращаются в мании. Ибо человеческий разум не самодостаточен, не имеет бытийности в самом себе. Это инструмент духовного видения, предназначенный выявить бытийные основания того, на что он направлен.

Подобно «Критике практического разума» Канта, необходима **критика персоналистического разума**, выявляющая **экзистенциальные персоналистические установки**, образы и принципы познания. Говоря неперсоналистическим языком, такого рода *критика* сняла бы антитезу — противопоставление теоретического и практического разума — и утвердила бы религиозную **моральность разума и разумность нравственности**.

Субъективизм и объективизм в философии

Большинство философов объективировало своё творчество. Многие относились к собственной философии как к истине в последней инстанции. При этом происходит симптоматичная аберрация. Автор затрачивает огромные усилия, чтобы раскритиковать многих предшественников, разгромить оппонентов, то есть всячески отстаивает право на собственное независимое суждение. Вместе с тем, он не относится к плодам своего творчества как к достижениям индивидуальным, убеждён, что вещает саму объективную истину. Затем он благоговейно взирает на своё детище и заручается мандатом пророка, учителя, чуть ли не Самого Господа Бога. При таком подходе философия не воспринимается как продукт экзистенциального познания и потому принадлежит как бы не автору, а самой истине, затем и автор оказывается принадлежностью своего объективированного создания.

Так формируется **мессианский соблазн** — претензия быть спасителем человечества. Философ ощущает себя преобразённым по образу высказанного: гениальная мысль превращает в окончатель-

ного судию, благое намерение уже освящает, а призыв одаряет харизмой пророка. Так, например, Кант считал, что совершил коперниковский переворот в европейской мысли и сформулировал основы метафизики, религии, разума. Фихте чувствовал себя пророком новой религии, ибо нашёл, по его словам, «*безусловно первичную, а именно абсолютную основу всякого человеческого знания*». Гегель полагал, что своей философской системой выражает последнюю ступень самопознания Абсолютного Духа: «*Я мог бы сказать вместе с Христом, что я учу правде и я есмь правда*». Но время показывает, что творчество великого философа оказывается одной из троп духовного пути человечества. Может оказаться, что дело таких гигантов, как Гегель, ценно более всего тем, что они прошли до конца путь заблуждений, обозначили их, чем косвенно указали на истинные ориентиры.

Философ характеризуется тем, что ему дана способность лицензирования смыслов, перед которой он, прежде всего, обязан, но которая сама по себе не делает его не лучше, не выше и не чище других. Вместе с тем, без профетического пафоса философия невозможна. Философ обязан верить, что высказываемое им — истинно. Эта **антиномия философского творчества — безусловно, субъективный опыт, который имеет бесспорно объективный смысл**, — является отражением **персоналистичности истины**. Истина, как говорил Н. А. Бердяев, не в объекте, а в субъекте, не вовне, а в нас. Поэтому философ тем ближе к истине, чем более он доверяет своему опыту, а не апеллирует к внешним авторитетам, чтобы получить лицензию на истину у якобы объективного доказательства. Сколько трудов затрачено и сколько страниц исписано классиками философии в стремлении **доказать** объективность и абсолютность того гениально нового, что они высказали. Оттого многие добрые всходы забиты плеведами. Истина свидетельствует о себе сама и не нуждается в институте адвокатуры. И поколения читателей воспримут и оценят то личное, что внёс философ в культуру не благодаря объективированным обоснованиям, а часто вопреки ним.

Поразительно, что именно те любители мудрости, которые абсолютизировали собственные мысли, затрачивали несоразмерно большие усилия, чтобы рационально доказать и общественно обосновать свои суждения. Такое впечатление, что они не вполне доверяли себе и апеллировали к голосу общепринятого, чтобы доказать необходимость того нового, что им удалось созерцать и высказать. Получается, что абсолютное не может быть таковым без

санкции очень относительного мнения! Философ будто стыдится своей уникальности, как некоего порока или слабости, не решается мужественно **опереться на неповторимые основы своей личности** и потому пытается скрыться под покровом общеобязательных суждений. При недоверии к своему индивидуальному духу творец неосознанно укрывается за монолитом тяжеловесных доказательств, обоснований, опровержений... Все это сложилось в академическую школу, вне которой как бы и не положено быть философом.

Соблазн усредненности не обошёл и великие умы. Из-за стремления соответствовать интеллектуальной моде в работах классиков немецкой философии, например, много непродуманного и суетного. Хотя культурная атмосфера времени и требовала общественного обсуждения философских проблем, но публичное мнение нередко влияло на творчество более чем ответственность перед творческой совестью. В фундаментальные труды врвался диктат общепринятого, шквал злободневной полемики, которая требовала **орассудочивания творческого образа**, мелочной занудной доказательности, оправдания гениальных полётов свободной мысли и опровержения носящихся в воздухе идей. В ходе этой борьбы великие умы делали ловкие и блестящие выпады, оставляли россыпи оригинальных наблюдений, догадок, выводов. Оброненные случайно, они оказывались надолго похороненными массой вторичных суждений, хотя могли бы стать ключом к важнейшим мировым тайнам. Грандиозный аппарат доказательств часто был несоразмерен обсуждаемой проблеме. У гениев трезвости и равновесия чувство меры нередко отказывало.

Разумеется, к этому не сводится творческая жизнь титанов, которые достойны всяческого уважения. Но для осмысления принципов познания необходимо признать, что рассудочные построения нередко мотивируются дурными страстями, капризом, полемикой, самоутверждением. Многие «объективные» формы по существу оказываются очень субъективными в худшем смысле этого слова. Господствующие догмы вбирают самоутверждение, далекое от любви к истине, а потому они навязывают немало своевольного, частного, предосудительного. Общепринятое не всегда является общеобязательным.

Действительно же общезначимые нормы — элементарны, это философская азбука. Логика и диалектика и их законы — не цель философии, а её рабочие средства наряду с другими. По-настоящему **объективное скрыто в глубине субъекта**,

и высшие нормы открываются только при **личном творческом усилии**. Всё новое и истинно гениальное рождено в сокровенной глубине души творца, внутренняя жизнь которого — в разрешении трагических коллизий. Этот внутренний **зов духа** он и призван слушать прежде всего.

Безусловно, философы, как и все смертные, очень разные. (Это Гегель приучил нас думать, что каждый философ является как бы продолжением одного «Мирового Философа».) Кому-то легче услышать и высказать своё заветное за частоколом общеобязательных суждений. Кто-то может почувствовать себя защищенным и независимым за щитом доказательств. Некоторые же ощущают интеллектуальный комфорт среди общей сутолоки. Но претензия на то, что общепринятые штампы должны быть общеобязательными, и только они могут обосновывать всякое философское высказывание — умаляет творчество как свободный акт *выведения из небытия в бытие*.

В философском общении мы призваны перейти на «ты», в творчестве мы обращаемся не к безличному разуму, но к **персоналистической истине** и друг к другу в своей уникальности и личном достоинстве, а судить нас будет не механистический разум, не безликий судья, но Живой Господь Милосердный.

Персоналистическая и экзистенциальная установка

Можно выделить два основных философских подхода. Есть философия, переводящая на современный язык вечные истины и потому более отражающая **дух времени**. В ней выявляются, классифицируются, оттачиваются взаимоотношения понятий, концепции оцениваются с точки зрения их прикладного, потребительского потенциала. Здесь преобладает систематизация достигнутого, а не творческая новизна.

Но существует философия, выражающая **оригинальный взгляд на мир** свободной личности. В этом и сказывается более всего **дух вечности**, но вечности, явленной в сокровенной глубине личного духа. В этой философской традиции прокладываются новые пути, расширяются горизонты познания. Она слагается из новой жизненной позиции и видения мира. Целостная творческая установка обновляет облик личности. Наряду с идеями и смыслами в жизнь входят новые отношения, чувства, образы поведения. За творческим **прорывом духа** следуют другие формы культуры. Подобная философская позиция не слишком считается

с общепринятыми представлениями и недостаточно почтительна к авторитетам. По отношению к привычным значениям она может казаться дилетантской. Творец не вмещается в традиции, но если его слово будет услышано, оно может оказаться основанием новой традиции.

Философия **экзистенциальна** (от лат. *existentia* — *существование*) и **персоналистична**, поскольку свидетельствует об уникальном духовном опыте личности. Подлинная философия — как **поиск истинной жизни**, как самопознание — автобиографична. Боязнь сокровенно личного в философии уводит мысль в рациональные схемы, чуждые личности. Философия должна быть **философией жизни** — если не сводить жизнь к биологическим формам, **философией опыта** — если опыт не ограничивать натуралистическим измерением, а распространить его на **целокупное человеческое существование**.

Вечная душа человека бытийствует до жизни на земле и до начала мировой истории. То, **как** душа самополагается в вечности, явлено в этом мире в опыте существования. **Экзистенция** — это духовная основа человека, укоренённая в глубинах бытия, это **опыт метажизни**. Вместе с тем экзистенция формируется в конкретной исторической ситуации, в *здесь-теперешнем*. Экзистенциальный опыт — это целостный опыт жизни духа в плоти, небесного в земном: опыт самополагания души в вечности, прорыва в мировую плоть — зачатия и рождения, опыт воплощения и самоосознания, опыт жизни и смерти. Философия должна быть **мета-экзистенциальной** — **находить и определять начала и концы человеческого существования**. В сущности, всякая философия укоренена в личном духовно-жизненном опыте и из него проистекает. Другое дело, что опыт этот может быть глубинным, духовным, а может быть поверхностным, профанным. Традиция *философии экзистенциализма* однобока, ибо игнорирует вечные основы личности, сводит существование человека к частичностям (например, *экзистенциалы* у М. Хайдеггера: *страх, бытие-в-мире, забота, понимание, настроенность, заброшенность*).

В **экзистенциальном самовыражении** философия сродни искусству. Гений Платона вещает сказания и мифы, а гений Аристотеля конструктивно располагает невиданные до толе смыслы и образы, анализируя, синтезируя, обосновывая и определяя всему своё место. Оба гения свойственны в той или иной степени каждому философу. Но как-то принято стыдиться своих творческих грёз, и если они сообщаются, то в качестве

рационалистических формул, с голоса какого-то общего для всех анонима (*мы думаем, нам представляется, это бесспорно следует из...*).

Уже привычно воспринимается, что *цель поэзии — поэзия*, поэтому искусственным выглядит вопрос: «*Для чего, поэт, поёшь свои песни?*», или: «*Откуда ты взял свои образы?*» Но не меньше оснований считать, что **цель философии и предмет философии — сама философия**. «*Дорогою свободной иди, куда влечёт тебя свободный ум...*» (А. С. Пушкин), — это и к философии относится. Не случайно гением сказано универсальное — *свободный ум*, а не свободное поэтическое вдохновение, например.

Конечно же, цель философии — истина. **Философия создает новые смыслы**. Но истина по сути своей персоналистична и открывается в субъекте. Поэтому философия ориентирована на истину в том случае, когда не подчиняется внешним директивам, а послушна творческой совести философа. Соответствие внутренним творческим обязательствам оказывается, в конечном итоге, кратчайшим путём к истине. **Личный духовный опыт — источник философствования, творческая совесть — единственный критерий философии**.

Персоналистическая позиция — это внутренняя последовательность, верность **творческому образу**, собственному назначению. Вместе с тем, персоналистические высказывания не являются плодом заикленного сознания, но открыты к традиции и к слушателям. Все души людей соединены в вечности, поэтому **углубление в собственное творческое «Я» выводит в общечеловеческую духовность**. Персоналистическая ориентация не утверждает интеллектуального своеволия, но неисповедимо приводит ткань работы в соответствие с основами традиции. Внутренние творческие обязательства выводят к всечеловеческому, вполне открываются универсальному, вселенскому измерению.

Персоналистическая установка, определяющая логику, структуру, методы творческого процесса, не может быть полностью формализована, она звучит в творце как **внутренний творческий камертон**. Самостоятельность по отношению к общеприемлемому не означает, что философ-персоналист не имеет методологических обязательств. Но **творческий продукт органично создается работой первообраза над материалом**, а не навязывается извне. Плоды творчества вносят наибольший вклад в культуру, прежде всего, своей уникальностью, выражающей **индивидуальную экзистенцию автора**. Персоналистическая уста-

новка не означает отказа от установления закономерностей, доказательств, отчёта в логичности собственных мыслей. Это большее доверие творчеству, личности, самой истине, ответственность перед Божественной истиной. Персонализм не является методом в позитивистском смысле, выбранным из других возможных вариантов и дающим бóльшие результаты. Подлинный персонализм означает подвиг духа, зрелость духа, решимость оторваться от внешних опор и предстать перед Истиной в личном диалоге, не ограждаясь от неё предвзятой методологией. Если можно характеризовать персоналистическую методологию, то такова методология патристики, русской философии и православных богословов XX века.

Архимандрит Киприан так описывал философское творчество отцов Церкви: *«Сила философского учения не в форме её изложения, не в обилии подстрочных примечаний и не в систематических и методологических разработанностях. Если в философии могут быть достигнуты построения великих и поражающих “Систем”, “Критик” и “Сумм”, то не в них одних сила, и может быть и другой подход к философскому ведению, а именно, восприятие его как дела жизни. Оно может стать задачей жизни, чтобы не сказать драмой жизни. Философия может черпать не из одних Платонов и Аристотелей, но, не отменяя, конечно, и их, и из самого бытия, из интуиции жизни, из переживаний. Творчески-познавательный акт философии может быть направлен на внутреннее созерцание своих сокровенных драм, потрясений, откровений. Самоуглубление в смерть, любовь, ревность, испуг, отчаяние, восторг, тревогу, во все вообще несказанные и таинственные переживания человека даёт истинный материал для своего философского опыта... Философия не есть наука, не есть умственная дисциплина, а дело жизни, жизненная задача. Такое платоновское восприятие философии, а это восприятие почти совпадает с нашим теперешним пониманием экзистенциальной философии, очень близко к тому именно значению философии, которое ему придавали отцы и писатели церковные. Это понимание любомудрия как постоянного умирания и есть та жизненная задача, которой отдавались тысячи человеческих жизней на столпах Метеорских, в дебрях Афона, в зыбучих песках Синая и Заиорданья, словом, всюду в тех монастырях, которые блаженный Феодорит Кирский назвал “подвизалищами философии”, где внимали своему внутреннему голосу, созерцая Высшее Благо, Несозданный Свет, неминуемую смерть, непонятный процесс возникновения и исчезания, загадку бытия... Очень многое в этих богословских проблемах принадлежало области непосредственной мистической интуиции».*

Философ — не пророк и не учитель жизни, доказывающий необходимость своих установлений, а вдохновенный и ответственный труженик на ниве истины, не боящийся впрямую высказаться о своём духовном опыте. И если истина открылась, то она свидетельствует и пророчески, и учительски. Мой тон может казаться категоричным не потому, что я излагаю общеобязательные директивы, но свидетельствую о личном опыте, который для меня бесспорен. Я формулирую свои убеждения, своё видение и понимание. За свой опыт я отвечаю перед совестью и перед Богом — единственным Судьей, что не исключает земных советчиков.

Психология, как говорил Н. А. Бердяев, глубже гносеологии. Если говорить о некоторых психологических мотивах данной книги, то это — своего рода лирическо-метафизическое самовыражение, сокровенное признание, и только во вторую очередь постулирование и логический вывод. Временами безапелляционный тон объясняется тем, что я глубоко убеждён в истинности высказанного и неудержимо захвачен им. Я призван высказаться о том, что велит творческая совесть, что уловил духовный слух. Это более сродни музыке и поэзии, чем рациональным текстам. Такая установка отражается в форме этой работы, хотя мне и не удалось вполне освободиться от традиционной объективированной формы. Но смысл работы можно понять только исходя из предложенного подхода.

Всё, с чем я встречался, используется как материя, палитра — совокупность выразительных средств. Отсюда вольность цитирования. В наше разорванное время полезно иллюстрировать работу ссылками на родственную традицию. Цитаты используются и как способы выражения собственной мысли. Кто-то высказал лучше мою заветную мысль, и я хочу поделиться с читателем радостью интеллектуальной встречи. Но из штрихов-цитат складывается пунктирная линия, которая вырисовывает в перспективе традиции образ, явившийся мне изначально.

В данном случае христианская классика прочитывается достаточно непривычно, но я убеждён — мои изыскания соответствуют внутренней задаче христианской традиции. Вместе с тем, готов повторить вслед за Н. А. Бердяевым, что *«я не задаюсь целью обнаружить себя в сыром виде, обнажать себя, я задаюсь целью совершить акт экзистенциального философского познания о себе, осмыслить свой духовный путь»*. Многое из того, что мы можем вскрыть в себе (в

сновидениях, психоанализом, в состояниях аффекта, транса), ещё не стало нашей духовной органикой, а лишь *в сыром виде*, ещё материал совершающегося самоопределения. Это глубинное проживание различных возможностей, процесс изживания, вытеснения чуждого и тёмного. Некритический взор может застигнуть эти тени и принять их за реальность. Если выводить мутные образы на дневной свет *искренностью, доведённой до крайности*, то существует опасность наделить их бытийным статусом, тени могут ожить и господствовать в полдень, разлагать душу. Поэтому **персоналистическая установка наряду с искренностью предлагает ответственность и трезвость мысли**, предохраняющие от заразительного бесстыдства.

По форме данную книгу можно характеризовать как опыт **философской персоналистической поэмы**, которая обращена к сопереживающему читателю с сообщением о личном духовном опыте, о путешествиях и странствиях авторского «Я», но не по земным, а по **метафизическим пространствам и временам**.

Патриотизм

Человек не способен осознать себя как полноценная личность без чувства принадлежности к своему народу, к его истории, культуре, судьбе, поэтому патриотическое чувство является фундаментальным фактором экзистенции. В Господе, в конце нашего пути, *«нет различия между Иудеем и Еллином...»* (Рим. 10. 12). Но судьба каждого зачинается и складывается в определённой национальной культуре, а не в интернационалистическом вакууме. **Всечеловечность обретается в конкретной национальной почве**. Наше рождение именно здесь и в этот момент не может быть бессмысленной случайностью. **В национальной принадлежности явлена и рука Божественного Провидения, и самополагание души в вечности**.

Вместе с тем, онтологический статус личности и нации не равнозначен. Суверенная и свободная личность — создание Божие, образ и подобие Бога — первична по отношению ко всем мировым реальностям, в том числе и по отношению к народу, к национальным ценностям. **Национальное есть форма прорастания и утверждения личностного**. Чувство национального родства является одним из конституирующих свойств личности. Без него человек, даже преисполненный различных талантов, оказывается недоовоплощённым, ущербным, он склонен к радикальным сужде-

ниям, крайним поступкам, ибо его душа лишена одной из онтологических скреп.

Как русский, я сознаю свою сопричастность русской истории, культуре, трагической судьбе своего народа. При личном приобщении к Русскому Православию, Русской идее раскрывается и особое отношение к Церкви Вселенской, идее всечеловеческой. Мне дорогá та традиция в Русской идее, которая выражена русской иконописью, свв. Сергием Радонежским, Нилом Сорским, Тихоном Задонским, Серафимом Саровским, а также А. С. Пушкиным, славянофилами, Ф. М. Достоевским, В. С. Соловьёвым, русским богословием и философией XX века, современной русской литературой... Национальную позицию этой духовной традиции определил Достоевский: *миссия России — обрести в себе всечеловечность, в служении человечеству исполнить вселенское назначение; русский постольку русский, поскольку выходит за свои собственные пределы к нуждам других и к общечеловеческому*. Не национальная ограниченность, а возвышенный **христианский универсализм и вселенскость**, открытость и целостность — в этом истинное содержание русской православной духовности.

Русская философия в духе Православия и Русской идеи соединяет уникальную **духовную цельность с жизненной укоренённостью**. Славянофилы были органичными любомудрами и в философии, и в жизни. Философия Владимира Соловьёва по существу экзистенциальна, как и философия Николая Бердяева: *«Метафизика возможна лишь как символика духовного опыта, как интуитивное описание духовных встреч»* (Н. А. Бердяев). Философствование для них было не ходом мысли и не родом занятий, а **образом жизни в стремлении к истине**. И они не мудрствовали отвлечённо, а жили философски. Внерелигиозной философии в России фактически не было. Русская православная философия онтологична и метафизична, направлена на поиск сущности и смыслов, в отличие от западного умозрения, которое более феноменально, чем ноуменально, озабочено, прежде всего, поиском технологий для решения утилитарных задач, созданием инструментария для порабощения природы.

Высшую оценку русской христианской философии и богословия XX века дал Вселенский Патриарх Афинагор, охарактеризовавший её в целом как *неопатристика*. В то же время есть основания считать, что русская философия — это философия XXI века. Русская философия глубоко укоренена в православной традиции,

вместе с тем это грандиозный прорыв в будущее. Христианская философия в России ведёт авангардные духовные битвы, европейская философия оказывается вторым эшелонem и производит всеобъемлющую культурную обработку тылов.

Эта характеристика не от гордыни, а от сознания безмерной ответственности, налагаемой традицией, которая представлена плеядой ярких гениев: А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. Ф. Федоров, Вл.С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Л. И. Шестов, Н. О. Лосский, Вл.Н. Лосский, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский, А. Д. Шмеман. Русская философия и богословие XX века в ближайшем измерении продолжили традицию русской классической литературы века XIX. Главный же вопрос русской духовности: в чём **смысл жизни** и в чём **правда жизни**, как достичь **праведности в этом мире?**

Смысл жизни

Как жить истинно? Как жить так, чтобы **быть**, чтобы **жизнь** стала **философствованием**, а философия была пронизана **жизнью**? Чтобы наполнить жизнь молитвенным упованием, служением — жить целостно, а не частично? Когда душа опалена этими последними вопросами, ответить на них сполна можно только сугубо личным творческим опытом. В течение целых эпох не ставился вопрос о смысле жизни. Во многих философских системах забыт главный философский вопрос, или его теряют за спекулятивными построениями. Иные ответы продиктованы не бескорыстным служением истине, а бессознательным стремлением к облегчению жизненных невзгод и оправданию потребительских инстинктов. Нередко в самом определении смысла жизни содержится неосознанное стремление снять с себя **бремя должного бытийствования**.

Принятие смысла жизни есть принятие своего креста, всякое истинное суждение увеличивает **бремя крестонесения жизни**. Понять — значит оказаться в тяжелейшей ситуации выбора и ответственности за него. Сознание услужливо стремится облегчить наше состояние, подменяя образы реальности фикциями и иллюзиями. Истина снимает с нас оковы лжи, беспросветного ужаса или уныния от мировой неприютности. Но истина является и великим бременем. Для её обретения требуется

невероятное усилие, но даже совершив его, мы не получаем облегчения, ибо открыться истине — означает принять полноту бытия, осознать ответственность за свою жизнь, за судьбу мира. Обладание истиной требует волевого бодрствования, свободного самоопределения с полным осознанием ответственности.

Господствующее ныне позитивистское мировоззрение отклоняет *последние* вопросы как *некорректные*. Современный человек, зачарованный фикциями и преисполненный окаменелым нечувствием, повергается в растерянность либо цинизм перед предельными вопрошаниями. Это означает отказ от того Смысла, на котором покоится человеческое бытие. Проблему смысла жизни мы уже не имеем права формулировать риторически. В распаде и разложении современности сконцентрированы итоги многих исторических катастроф. Человечество сейчас находится перед бездной самоуничтожения. И каждый наш шаг, бездумный и легкомысленный, неукротимо толкает мир к гибели. Сама **жизнь требует принять крестонесение истины**. Иначе в небытие обрушатся чаяния и упования множества поколений. Решение грандиозных проблем, которые встали перед человечеством, требует предельного напряжения духовных сил и свободного творческого дерзания. Вместе с тем, основное бедствие современного мира — бегство человека от осмысления жизни, а значит, и от свободы и ответственности.

В творческой свободе и вселенской ответственности — богоподобное достоинство человека. Эту истину принесло в мир христианское Благовестие. И **осью христианской цивилизации является возрастающее бремя свободы личности**. В какой-то момент истории европейский человек испугался открывающейся **ответственности свободы** и предпочёл делегировать её (вместе с правом принимать решения) общественным и религиозным институтам, в обмен на внешний комфорт и внутреннюю упокоенность. Но сохранить и увеличить блага (как подлинные, так, в конечном итоге, и материальные) человек способен, только сохраняя достоинство свободной и ответственной личности. Предавая себя, мы рано или поздно теряем всё. **Готовностью всем пожертвовать во имя свободы духа мы получаем возможность всё приобрести**.

Каждая эпоха, являясь определённым **духовным возрастом человечества**, отвечает на актуальные вопросы жизни и выстраивает целостную картину мира, тем самым созидает ступень мировой цивилизации. В свете современного опыта мировоззренче-

ские концепции прошлого могут казаться наивными, но без смыслового синтеза, который в них осуществлялся, невозможно было бы сохранить наличное знание и тем более расширять его. Ибо человек познаёт фрагменты мироздания в зависимости от того, как он понимает бытие в целом и собственную миссию в жизни.

В этом смысле средневековый человек духовно ориентировался более адекватно, чем современный. Интеллектуальный мир Средневековья количественно не сравним с теперешним, но он более органично объединял **всё**, чем располагал, в нём были означены цели и пути культуры, ибо *«Средневековье обладало цельным и гармоническим образом всей Вселенной»* (арх. Киприан). Современный же человек потерялся в многознании, которое дробит картину мира игрой кривых зеркал, и, уж конечно, не формулирует смысла жизни. Современное человечество инфантильно по сравнению со средневековым в том отношении, что гораздо менее соответствует **своим** духовным задачам и накопленному культурному потенциалу. Сегодняшнее сознание удивительно наивно, так как **не имеет воли к осмыслению собственного содержания**, потеряло власть над ним.

Расслоенное сознание воспринимает мир фрагментарно и не способно сфокусировать познанное в единое мировоззрение. Сложилась общечеловеческая цивилизация, но люди ограждены национальными, конфессиональными, профессиональными барьерами больше, чем когда-либо, ибо это разобщённость не столько географическая, экономическая или политическая, а, прежде всего, внутренняя, духовная, экзистенциальная. Инертный, безответственный современник не может и не хочет заглянуть за пределы обыденных представлений.

Самая универсальная сфера современной культуры — наука — не способна предложить **целостную и универсальную картину жизни**, она по внутреннему заданию не стремится интегрировать целое, а всё больше дифференцирует — разделяет, расчленяет на части. Философия не избежала заражения позитивизмом и стремится стать «научной», приобрести механистическую строгость и последовательность в ущерб органичности и целостности. Секуляризованная культура лишена **смыслообразующего стержня** и располагает лишь мёртвыми осколками знания, из которых невозможно сложить **образ универсума**.

В результате мировоззрение современного человека поразительно неосмысленно. По существу он ощущает себя подобно

безродной песчинке, выброшенной на космическую свалку. Бесмысленным взором человек оглядывает чуждую ему реальность и пытается связать её какой-то мёртвой закономерностью. Деятельность «цивилизованного человечества» представляет собой попытки сложить из космического хлама временное убежище, в котором можно было бы укрыться от мирового ненастья, отдаться наркотической дремоте. Цивилизованные люди ведут себя, как одичавшие существа, бессмысленно шатающиеся по мировым пространствам и пытающиеся удовлетворить элементарные потребности. Разумеется, найти какую-либо твёрдую основу в такой жизни невозможно.

Жизнь человечества определяется случайно встреченными явлениями. Соответственно открытым наукой «фактам» выстраивается понимание и жизненная позиция. А что нас ждёт за «поворотом», за «холмом», за «переправой»? Можно ли узнать об этом что-либо достоверное, если судить по аналогии с тем, что у нас под ногами и под рукой? Что же удивительного в том, что из хаоса, каким современное сознание видит мир, невозможно выстроить упорядоченную цивилизацию, которая вот-вот похоронит под своими обломками создателей! Наши телесные органы ограничены физическими пределами, как бы мы их ни раздвигали посредством техники. И мы не можем обозреть **панораму вселенского целого**, какие бы линзы ни применяли. Леденящую грусть вызывает высокомерное «глубокомыслие» учёных, уверенных, что они разглядели в микроскоп, телескоп или уловили в компьютер космическую тайну.

Что представляет собой формула «развития» — кружения — современной позитивистской науки? Учёные одержимы фактическим счислением эмпирии (при котором факты уже не являются тем, за что их принимают), а также бесконечным анализированием добытого (хотя анализ ограничен методологическими догмами). Они с энтузиазмом продуцируют потоки произвольных гипотез, непрерывно отменяющих и разрушающих друг друга. Умозрение современных мудрецов вязнет в деталях. Наученный только фрагментарному мышлению учёный-теоретик заворочен **самопроизвольной игрой интеллектуальных ассоциаций**. Иногда из этого выпадает оригинальная конфигурация — *новая гипотеза*, открывающая возможность для новой установки сознания (*новая теория*). Теория меняет взгляд на *предмет*, что позволяет заметить в предмете (или приписать ему) новые качества. На основе этого учёный-эмпирик может построить *новые эксперимен-*

*тальные приборы, работа которых, конечно же, даёт практическое подтверждение теории, ибо для того они и создавались. Приборы не что иное, как материализованные формулы, они будут измерять и изображать **параметры самих формул**, а не предмета. А научные постулаты, как известно, не обобщают исследования, а предопределяют методику эксперимента.*

Общеизвестные *строгость* и *осторожность* в обращении с данными извне материалами опыта обманчивы в науке, так как отбор фактов и их интерпретация, а также построение накладываемой на них рационалистической модели обусловлены **произвольно** принятой гипотезой. «Доказанная» таким образом теория становится общепринятой научной догмой до следующей бесстыдно-смелой гипотезы, когда одна «достоверная» модель предмета будет заменена другой, ещё «более достоверной» моделью. Сам же предмет как таковой — его сущность — давно перестал интересовать любознательных учёных. Так, занавес на сцене научного познания может подыматься и опускаться бесконечное количество раз, но спектакль будет разыгрываться в строгом соответствии с неизменно унылым сюжетом.

По ходу дела наука служит созданию технической цивилизации. Собственно, натуралистическая наука и способна давать только узкопрактические результаты. Но этот предметный осадок мог выпасть и из других принципов осмысления. «Думать» можно было бы совершенно по-иному, но создавать что-то близкое. Или иначе: делая то же самое, верить, что делаешь нечто другое. Ибо модель предмета в науке зависит от того, с каким **потребительским интересом** глядит на него учёный, хотя предмет в любом случае остаётся самим собой. Таким образом, научно-техническая цивилизация не является подтверждением истинности и достоверности естественных наук.

Техника создана в *мнимой точке* пересечения различных интеллектуальных традиций. Практический эффект от них может быть близким. Если бы была создана «магическая цивилизация», то она тоже производила бы «вещи», хотя и других форм, и некоторые из них двигались бы и даже летали, хотя и по совершенно иным «законам». Современная научная установка представляет собой **узкий луч рассудка, направляемый утилитарными потребностями человека**. «Разрезающее» реальность натуралистическое умствование даёт возможность различить фрагменты, оказавшиеся под носом. Но за счёт того, что сами предметы и

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru